

Владимир

1

Шорохов

Книга

Я продала свои сны

Я мыслю, следовательно, существую

Владимир Шорохов

Я продала свои сны

<https://litres.ru/74676893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогие читатели!

Когда-то фантастику писали о далёком будущем. Сегодня достаточно выглянуть в окно. Ваш телефон знает о вас больше, чем мама. Нейросеть пишет письма вашим голосом. Школьник на кухне редактирует гены.

Я ничего не придумывал. Я лишь сделал ещё один шаг вперёд, совсем маленький, на сутки. В этой книге нет звездолётов и пришельцев. Здесь есть вы, ваши соседи и ваша квартира.

Читайте внимательно: возможно, одна из этих историй уже случилась с вами.

Ваш Владимир Шорохов

Содержание

«Мам, это всего лишь слизевик!» — сказал сын.	5
Через три дня город эвакуировали	
Ей 52, а клиника пообещала вернуть 30: цена	18
молодости оказалась чудовищной	
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Шорохов

Я продала свои сны

Звучит как мечта: знать всё на сутки вперёд, стереть плохие воспоминания, отправить вместо себя цифрового двойника, а школьный проект по биологии сделать на пятёрку. Но провидец не видит собственной судьбы. Проданные сны возвращаются к матери кошмарами. Двойник, пока хозяин в коме, распродаёт его имущество. А безобидный слизевик выходит из-под контроля. Эти истории начинаются с улыбки. Заканчиваются — криком. Будущее наступило. Вы к нему готовы?

«Мам, это всего лишь слизевик!» — сказал сын. Через три дня город эвакуировали

Часть первая. Банка из-под огурцов

Суббота началась с запаха блинов и грохота в подвале. Кристина перевернула третий блин, прислушалась и усмехнулась. Внизу что-то упало, покатилося и звякнуло о бетон.

— Тимофей! — крикнула она в пол. — Ты живой там?

— Живой! — донеслось снизу. — Это штатив упал, он всегда падает!

— А ты его привинти, он же не кот, сам не удержится!

Муж, Артём, вошёл на кухню в домашних штанах и с видом человека, который уже всё решил за эту жизнь. Он взял блин прямо со сковороды, подул и сунул в рот целиком. Кристина посмотрела на него, как смотрят на подростка в теле сорокалетнего мужчины.

— Ты зачем горячий? — спросила она. — Там масло кипит.

— Я закалённый, — сказал он с набитым ртом. — Я, между прочим, в девяностые ел пельмени из ларька.

— Это не достижение, это выживание.

— Это героизм, Кристин. Героизм

Снизу снова загрохотало, потом послышалось деловитое бормотание. Тимофей разговаривал сам с собой, как все четырнадцатилетние гении: вполголоса, быстро и с интонацией учёного, который объясняет что-то очень глупому ассистенту.

— Артём, — сказала Кристина, складывая блины горкой.

— ТЫ вообще в курсе, что он там делает?

— В курсе. Биология. Проект на городской конкурс.

— Какая биология? Там гудит что-то.

— Инкубатор гудит, — Артём налил себе кофе. — Ты сама на родительском собрании слушала: новый курс, «Основы прикладной генетики». Им в школе на уроках показывают, как собирать плазмиды. Всё легально, всё по методичке.

— Мне это не нравится.

— Кристин, ему четырнадцать. Он не водку пьёт в подъезде, он белок синтезирует. Радуйся.

Она спустилась по лестнице с тарелкой блинов, потому что гений — это хорошо, а голодный гений — это катастрофа. Подвал был вылизан до стерильности. Белые столы, лампа, ламинарный бокс, купленный в интернет-магазине за семьдесят тысяч — подарок на день рождения от бабушки и дедушки.

— Тим, завтрак.

— Мам, подожди, у меня тут момент!

— У тебя всегда момент.

Он обернулся. В перчатках, в очках, в белом халате, который был ему велик на два размера. Лицо сияло так, что Кристина забыла все заготовленные претензии.

— Смотри, — он подвинул ей чашку Петри. — Это он. Физарум. Древесный слизевик.

— Это плесень?

— Это НЕ плесень, — обиделся Тимофей. — Это одна гигантская клетка. У неё нет мозга, нет нервов, вообще ничего. А она проходит лабиринт и находит кратчайший путь к еде. Её учили моделировать железные дороги в Токио, и она сделала лучше, чем инженеры!

— Токио построил гриб?

— Он не гриб! — Тимофей засмеялся. — Мам, ты позорище. Он протист.

— Я твоя мать, я имею право быть позорищем, — она поставила тарелку на свободный угол стола. — Ешь. Иними перчатки, ты в них в холодильник лазаешь.

— Я их меняю!

— Ты их МЕНЯЕШЬ, когда я смотрю.

Часть вторая. «Он просто ищет еду»

Школа гордилась Тимофеем так, как гордятся не ребёнком, а строчкой в отчёте. Классная руководительница, Виктория Павловна, встретила Кристину в коридоре и схватила

за локоть, будто они подружки с детского сада.

— Кристина Олеговна! Ваш Тима — наша звезда! Он сдал проект на две недели раньше!

— Какой проект?

— «Направленная эволюция ферментов разложения целлюлозы». Это уровень третьего курса, честное слово!

— Виктория Павловна, — Кристина осторожно высвободила локоть. — А ВЫ проверяете, что дети дома делают?

— Разумеется! У нас методические рекомендации, техника безопасности, допуск. Всё сертифицировано.

— А если ребёнок соберёт что-то, чего нет в методичке? Учительница улыбнулась снисходительно, как улыбаются людям, которые боятся микроволновок.

— Кристина Олеговна, ну что он там соберёт? Это школьный уровень. Домашние наборы — это как конструктор. Там всё безопасно по определению.

— Угу, — сказала Кристина. — Атомная бомба тоже была школьным уровнем. Для своего времени.

Дома она устроила допрос. Тимофей жевал котлету и отвечал в режиме «мама, ну очевидно же».

— Мам, я не делаю ничего страшного. Я беру ген целлюлазы. Это фермент, он грызёт древесину.

— Зачем?

— Чтобы перерабатывать мусор. Представь: куча опилок, картона, старых досок. Приходит слизевик — и за три дня вместо свалки чистая земля.

— А он не захочет закусить забором?

— Он медленный, — Тимофей махнул вилкой. — И он без влажностидохнет. У него нет механизма распространения, он ползает со скоростью сантиметр в час.

— Пока не ползает.

— Мам.

— Что «мам»? — Кристина отложила свою вилку. — Я тебя родила, я имею право на паранойю.

Артём смеялся в стороне, листая телефон.

— Кристин, ну хватит. Ребёнок спасает планету, а ты из него Чернобыль делаешь.

— Я помню, как ТЫ в прошлом году спасал планету дрелю и чуть не оставил нас без электричества.

— Это другое!

— Это ровно то же самое, только с генами.

Часть третья. Три ошибки

Проблема была в том, что слизевик оказался умнее методички. Тимофей кормил его овсянкой, потом измельчённым картоном, потом — для интереса — обрезками старой фанеры. Колония разрослась на весь поддон, и однажды ночью мальчик увидел, как жёлтая сетка вен нащупала щель в крышке.

Он записал это в журнал и поставил три восклицательных знака. Потом сделал первую ошибку: добавил ген тер-

мостойкости — чтобы культура не гибла на солнце. Через неделю вторую: вставил кассету генов бактериального разложения полиэфиров, потому что в интернете писали, что это модно и «за этим будущее».

Третью ошибку он допустил случайно. Перепутал пробирки и внёс плазмиду в культуру, которая уже две недели жила в режиме голода и бешено мутировала сама.

— Тим, ты ужинать идёшь? — крикнула мать сверху.

— Иду!

Он не пошёл. Он сидел и смотрел, как жёлтая масса в чашке Петри делает то, чего не должна делать ни одна слизь на планете. Она ощупывала пластиковую стенку. Методично. По кругу. Как палец слепого, который ищет дверную ручку.

К утру дно чашки Петри было матовым. Через сутки — в нём была дырка.

— Так, — сказал Тимофей вслух. — Так-так-так.

Он позвонил однокласснику Савве. Тот ответил сразу, с набитым ртом.

— Чего?

— Савв, у тебя было, чтобы культура ела полистирол?

— Чего ела?

— Пластик. Чашку.

— Тим, ты обкурился? Это же пластик.

— Я знаю, что это пластик!

— Ну и выброси. Автоклавируй и выброси, делов-то.

— Да я... — Тимофей облизал губы. — Я хотел посмот-

реть, до какого предела он дойдёт.

— Ты псих, — восхитился Савва. — Слушай, а засни-
мешь? Это же миллион просмотров.

Он не заснял. Он сделал хуже.

Утром в воскресенье, пока родители спали, Тимофей вы-
нес поддон в сад за домом. Ему нужен был контрольный экс-
перимент: как культура поведёт себя вне стерильных усло-
вий. По всем расчётам слизевик должен был высохнуть за
час и погибнуть. По всем расчётам.

Он вывалил массу на компостную кучу у старой яблони,
записал время и пошёл пить чай.

Часть четвёртая. Яблоня

Во вторник Артём вышел в сад с кружкой кофе и остано-
вился.

— Кристин! — позвал он. — Иди сюда. Ты это видела?

— Что? — она вышла в тапках, кутаясь в кофту.

— Яблоня.

Яблоня стояла голая. Не сухая, не больная — голая, как
будто её ошкурили. Кора сошла пластами, ствол был влаж-
ный, светлый, покрытый тонкой жёлтой сеткой, похожей на
иней. От дерева к забору шла дорожка выжженной травы
шириной в ладонь.

— Это грибок какой-то, — сказал Артём. — Куплю мед-
ный купорос.

— Артём.

— Что?

— Посмотри на забор.

В штакетнике не хватало двух досок. Не сломанных — их не было. На месте нижней перекладины висела рыжая труха, и по ней ползло то же самое жёлтое кружево.

Кристина развернулась и пошла в дом так быстро, что потеряла тапок.

— ТИМОФЕЙ!

Он вылетел из комнаты бледный. Он уже всё знал — он смотрел в окно третий день.

— Что это в саду?

— Это... — он сглотнул. — Это мой образец.

— Какой образец?

— Мам, я его вынес в воскресенье. Он должен был умереть. Он должен был высохнуть за сорок минут!

— Он не высох, Тима! Он съел яблоню!

— Я вижу!

— Ты видишь ТРЕТИЙ ДЕНЬ и молчишь?!

Тимофей вцепился в дверной косяк. Артём вошёл следом, уже без кружки, с тем выражением лица, которое бывает у мужчин за секунду до того, как они начинают кричать.

— Так, стоп, — сказал он. — Спокойно. Это просто плесень. Я куплю химию, пролью почву, и всё.

— Пап, не надо.

— Почему не надо?

— Потому что у него термостойкость и устойчивость к осмотическому шоку, — Тимофей говорил быстро, захлёбываясь. — Я сам ему это вставил. Его не возьмёт ни соль, ни купорос, ни кипяток. Он восстанавливается из склероция.

— Из чего?

— Из сухой корки. Он может лежать мёртвый год, а потом пойдёт дождь — и он оживёт.

В кухне стало очень тихо. Кристина взяла телефон.

— Я звоню в МЧС.

— Мам, подожди!

— Я не буду ждать!

— Мам, меня посадят! — крикнул он. — Нам в школе говорили, что ответственность с шестнадцати, но родители платят! Это уголовка, мам, это экологическая диверсия!

— Тебе четырнадцать!

— А ВАМ сорок два!

Артём ударил ладонью по столу так, что подпрыгнули чашки.

— Молчать оба! — он тяжело дышал. — Тима. Смотри мне в глаза. Насколько это быстро?

— В воскресенье было пятно метр на метр. Сейчас...

— Сейчас?

— Сейчас он у Семёновых под теплицей.

Часть пятая. Эвакуация

В четверг с утра по улице проехала машина с громкоговорителем. Голос был женский, записанный, вежливый до тошноты:

«Внимание. На территории микрорайона вводится режим чрезвычайной ситуации. Жителям домов с первого по сорок седьмой необходимо собрать документы и покинуть помещения в течение двух часов».

Кристина стояла у окна и видела, как сосед Семёнов выносит из дома телевизор. Телевизор был не нужен. Все выносили не то, что нужно.

— Артём, паспорта.

— В сейфе.

— Неси!

Тимофей сидел на лестнице, обхватив колени. На нём была та же футболка, что и во вторник. Он не ел двое суток.

— Мам.

— Что?

— Я скажу им.

— Что ты скажешь?

— Что это я.

Она обернулась. В этот момент в дверь постучали три раза, как стучат только те, у кого есть право войти без приглашения.

На крыльце стояли двое в сером: женщина лет сорока с планшетом и мужчина в респираторе, сдвинутом на подбородок.

— Добрый день. Роспотребнадзор, оперативная группа. Евгения Руслановна. Вы владельцы участка?

— Мы, — сказал Артём.

— У вас на участке зарегистрирован очаг. Первичный. Самый ранний по времени из всех выявленных.

— Что значит «первичный»? — Кристина почувствовала, как холодеют руки.

— Это значит, что оно началось у ВАС, — спокойно сказала женщина. — Мы отследили по хлорофилловым проплевшинам со спутника. Восемнадцатое число, воскресенье, около восьми утра. Компостная куча под яблоней.

Тишина. Артём открыл рот и закрыл.

— У вас есть несовершеннолетние, занимающиеся биологией? — Евгения Руслановна подняла глаза от планшета. — В школе нам дали список. Тимофей, девятый «Б», победитель олимпиады.

— Это я, — сказал Тимофей, вставая с лестницы.

— Молчи! — рявкнул отец.

— Это я! — закричал мальчик. — Это я его вынес! Это я вставил ему целлюлазу, термостойкость и полиэфиразу, и это я перепутал пробирки! Это всё я, слышите?!

Женщина с планшетом не изменилась в лице. Мужчина в респираторе медленно поднял рацию.

— Второй, это шестой. Подтверждаю источник. Генно-модифицированный физарум, бытовая сборка. Повторяю: бытовая сборка.

— Что значит «бытовая»? — Кристина схватила его за рукав. — Что это значит?!

— Это значит, что у него нет паспорта, — сказал мужчина. — Нет штамма-образца. Нет известной последовательности. Мы не знаем, чем его убивать, потому что мы не знаем, что это.

Снаружи завывала сирена. Кристина выглянула в окно и закричала.

Асфальт на дороге вспучился. По нему, от края проезжей части к центру, шла жёлто-рыжая сетка, похожая на корни, и там, где она проходила, асфальт оседал серым порошком. Она ела битум. Она ела провода. Столб уличного освещения накренился и рухнул на крышу машины Семёновых, и машина продавилась, как картон.

— Оно жрёт дорогу! — Артём отшатнулся от окна. — Кристин, оно жрёт дорогу!

— Тима, к двери! БЫСТРО!

— Мам, оно в подвале! — заорал мальчик. — Оно в подвале, я слышу вентиляцию!

Из-под лестницы шёл звук. Тихий, влажный, непрерывный — будто кто-то очень аккуратно рвал мокрую бумагу. Решётка вентиляции выгнулась наружу, и в щель поползла жёлтая пена.

— НА УЛИЦУ! — заорала Евгения Руслановна, и вся её вежливость слетела разом. — ВСЕ НА УЛИЦУ, БЕГОМ!

Они вывалились на крыльцо, и Кристина успела увидеть, как её дом — её ипотека, её семнадцать лет, её кухня с блинами — проседает справа, будто под ним выдернули опору. Со скрежетом лопнула стена. Шифер поехал вниз лавиной.

— Тимофей! — закричала она, оборачиваясь. — Где Тимофей?!

Мальчика рядом не было.

Он стоял в трёх шагах, на дорожке, и смотрел под ноги. Жёлтая сетка остановилась ровно перед его кроссовками — и вдруг разделилась на два рукава, обходя его слева и справа. Как будто узнала.

— Тима, беги!

— Мам, — сказал он странным, тонким голосом. — Мам, оно меня не трогает.

— ЧТО?!

— Оно меня не трогает, — повторил он. — Мам... я его кормил с рук. Три месяца. Каждый день.

Мужчина в респираторе медленно поднял руку с рацией и сказал туда шесть слов, от которых Кристина осела на колени прямо в траву:

— Второй, у нас контакт. Ребёнок — носитель.

КОНЕЦ

Автор: [Владимир Шорохов](#)

Ей 52, а клиника пообещала вернуть 30: цена молодости оказалась чудовищной

Головка пармезана весила тридцать восемь килограммов, и Елена переворачивала её одна. Двадцать лет она работала аффинёром, то есть выдерживала сыры, и руки у неё были широкие, сильные, с короткими ногтями. Сырный погреб располагался под старым купеческим особняком на Волжской набережной Ярославля. На полках созревали сотни головок, и каждую Елена знала в лицо.

Телефон завибрировал в кармане фартука. Она вытерла ладонь о бедро и ответила, зажав трубку плечом.

— Елена Андреевна Корнеева? Поздравляю! Ваша анкета с осенней ярмарки выиграла главный приз: полный курс омоложения в клинике «Ретайм»!

— Девушка, я заполняла анкету ради бесплатной сумки. Сумку мне так и не дали.

— Сумку тоже дадим! Курс рассчитан на шесть процедур. Наш директор обещает минус двадцать лет. Иногда получается больше.

— Больше? А если я впаду в детство и меня отправят в садик?

— Садик в стоимость не входит, — без улыбки ответила

девушка. — Ждём вас в четверг.

Елена убрала телефон и посмотрела на своё отражение в медном котле. Пятьдесят два года, медные крашенные волосы, у корней пробивается седина, серые глаза в сеточке морщин. Лицо доброе, тяжеловатое, лицо человека, который привык таскать и терпеть.

Подруги нагрянули вечером в дегустационный зал. Жанна, маленькая, вертлявая, с вечно растрёпанной стрижкой, работала укротительницей звука на радио: вырезала из передач лишние вздохи гостей. Светлана, высокая и строгая, вела перепись лебедей на Которосли и знала каждую птицу по кольцу на лапе.

— Ленка, это же лотерея века! — Жанна схватила кусок выдержанного гауды. — Через месяц тебя на улице будут спрашивать, сколько тебе лет, и требовать паспорт при покупке вина.

— Меня и сейчас спрашивают. Только с сочувствием.

— А Вадим что? — Светлана прищурилась. — Он же у тебя на всё отвечает шуткой.

— Вадим пока не знает.

— Узнает и потребует, чтобы и его омолодили, — хмыкнула Жанна. — Будете бегать по набережной как два студента, держась за ручки.

Дверь распахнулась, и вошёл Вадим. В руках у него был букет из тридцати белых роз. Подруги замерли с сыром у рта.

— Это кто умер? — первой опомнилась Жанна.

— Никто, — Вадим поклонился, как на сцене. — Просто я узнал, что моя жена скоро помолодеет. Надо успеть поухаживать за ней, пока её не увёл какой-нибудь курсант речного училища.

— Откуда ты узнал? — Елена приняла букет. — Я никому не говорила.

— Из клиники звонили на домашний. Подтвердить записать.

Вадиму было пятьдесят пять. Сухой, жилистый, с подвижным лицом и быстрыми руками, он работал аукционистом на рыбной бирже в Рыбинске. Голос у него был звонкий, поставленный, а на галстук поблёскивал серебряный зажим в виде осетра. Он умел продать тонну судака за минуту и расшевелить зал, в котором никто не хотел смеяться.

Клиника «Ретайм» занимала бывшую дачу фабриканта на высоком берегу Волги. Октябрь выкрасил клёны вдоль аллеи в рыжий и бордовый, листья хрустели под ногами. Внизу текла река цвета старого олова, по ней полз буксир с баржей. Ветер приносил с воды холод, и Елена подняла воротник пальто.

В холле их встретила врач Кира Олеговна. Узкое бледное лицо без единой морщины, гладкая причёска, белый халат. Возраст по ней было невозможно угадать: от тридцати до шестидесяти.

— Елена Андреевна, вы наша счастливица! — Кира Олеговна пожала ей руку прохладными пальцами. — Знакомьтесь, это Тиша, наш голосовой помощник. Он проведёт вас по процедуре.

— Добрый день, Елена Андреевна, — раздалось из колонки под потолком. — Хотите анекдот, пока капсула разогревается? Тёща звонит зятю: «Я к вам на недельку». Зять отвечает: «Конечно приезжайте, у нас как раз сломался холодильник, будете его заменять».

Вадим ахнул и хлопнул себя по коленям.

— Смотри, он даже анекдоты про тещу знает! Лен, давай заберём его домой. Он мне заменит твоих друзей.

— Подруги тебе не мешают.

— Мешают. Они знают все мои анекдоты наизусть.

Капсула была белая, похожая на яйцо. Внутри Елену обдало холодным гелем, затем пошёл низкий гул, будто под землёй ворочался огромный механизм. Через сорок минут она вышла, и Вадим присвистнул.

— Лена, это преступление. Тебе на вид сорок пять. Я требую справку, что ты моя жена, иначе меня примут за лове-ласа.

Кожа и правда сияла. Морщинки у глаз разгладились, на скулах проступил румянец. Елена смотрела в зеркало гардероба и трогала щеку, будто проверяла, своя ли.

После третьей процедуры ей было на вид сорок. Жанна

визжала по телефону, Светлана прислала фотографию лебедя с подписью «Это ты через неделю». На работе технолог Арсений, молодой парень, спросил, не появилась ли у Елены Андреевны дочь, которая будет её заменять.

Вечером Елена разбирала сумку и наткнулась в телефоне на контакт «Матвей, сынок». Последний звонок был неделю назад, разговор длился сорок семь минут. Она смотрела на это имя и не понимала, кто это.

— Вадим, кто такой Матвей?

Вадим сидел в кресле и чистил апельсин. Нож остановился.

— Матвей? Это поставщик молока из Даниловского района. Ты же сама его так записала. Шутила, что он тебе как сын, потому что молоко у него лучшее в области.

— Я записала поставщика «сынком»?

— Лен, у тебя юмор специфический. Ты и меня одно время записывала «Буйвол».

— Почему «Буйвол»?

— Потому что храплю. Ну и рогатый немного, — он подмигнул. — Шутка. Шутка же!

Елена отложила телефон. Утром она нашла в прихожей рамку с фотографией: она, моложе лет на пятнадцать, обнимает худого подростка в синей куртке. Мальчик шурится от солнца, у него её серые глаза и её широкие ладони.

— А это кто? — она вынесла рамку в гостиную.

— Это... — Вадим взял фотографию и долго разглядывал.

— Это сын твоей подруги. Ты с ним на базу отдыха ездила, помнишь? Когда у неё было обострение.

— У какой подруги?

— Лен, я не секретарь твоей жизни, — он засмеялся слишком громко. — Знаешь, как отличить хорошего мужа от плохого? Хороший не помнит, с кем ты ездила на базу отдыха. Плохой помнит, и записывает.

Рамку он унёс в кабинет. Елена услышала, как щёлкнул ящик стола.

В субботу приехала её сестра Ирина. Ирина работала смотрительницей шлюза на Волге и умела одним взглядом определить, у кого на судне беспорядок. Широкая в плечах, с короткой седой стрижкой, которую она принципиально не красила, Ирина ворвалась в квартиру и с порога закричала:

— Ленка, что с телефоном? Матвей мне звонит третий день! Говорит, ты сбрасываешь его, а вчера спросила, не по поводу ли он молока!

— Ира, кто такой Матвей?

Сестра остановилась посреди прихожей. Сумка выпала у неё из рук.

— Ты сейчас серьёзно?

— Вадим сказал, это поставщик.

— Поставщик?! — Ирина схватила её за плечи. — Это твой сын! Твой Матюша! Двадцать четыре года, работает механиком на ледоколе «Ямал» в Мурманске! Ты его рожает!

ла двадцать часов, ты мне звонила из роддома и орала, что больше никогда!

Елена стояла неподвижно. Внутри у неё было пусто и гладко, как на свежем срезе сыра. Никакой боли, никакой узнаваемости.

— Ира, я не помню.

— Как не помнишь? Ты ему каждое воскресенье звонишь!

— Не помню. Ни родов, ни имени, ничего.

Ирина развернулась к Вадиму, который вышел из кабинета.

— Вадим, это что такое? Что вы с ней сделали?

— Ирина, вы присаживайтесь, — Вадим улыбнулся. — Знаете анекдот, почему сёстры всегда приезжают в субботу? Потому что в пятницу они ещё злятся, а в воскресенье им уже лень.

— Мне не до анекдотов! Почему она не помнит сына?

— Побочный эффект, — Вадим развёл руками. — Временный. Кира Олеговна предупреждала. После курса всё вернётся.

— Мня не предупреждали, — тихо сказала Елена.

— Лен, тебе предупреждали, ты просто забыла, — он хмыкнул. — В этом весь фокус.

Ночью Елена не спала. Она лежала и рассуждала, как рассуждала бы о сыре, у которого пошла не та плесень. Плесень не появляется сама. Её заносят. Значит, надо найти, откуда.

Вадим знал о выигрыше раньше неё. Вадим подарил цветы, которых не дарил лет десять. Вадим спрятал фотографию в ящик стола. Вадим шутит без остановки, а шутить без остановки он начинает, только когда горит сделка на бирже.

Она встала в четыре утра, прошла в кабинет и выдвинула ящик. Рамка лежала сверху, а под ней документы, скреплённые металлическим зажимом. На первом листе стоял логотип «Ретайм».

«Договор оказания услуг по коррекции биологического возраста. Заказчик: Корнеева Елена Андреевна, в лице представителя Корнеева Вадима Сергеевича, действующего на основании нотариальной доверенности. Оплата услуг производится передачей Исполнителю массива автобиографической памяти Заказчика. Категория передаваемого массива: потомство».

Ниже мелким шрифтом: «Заказчик подтверждает, что передача массива необратима. Стоимость шести процедур составляет полный объём воспоминаний категории "потомство"». Подпись Вадима. Дата: за две недели до звонка про выигрыш.

Никакого выигрыша не было. Был договор, заключённый за её спиной.

Вадим проснулся от того, что на него упали бумаги. Он сел в кровати, моргнул и мгновенно всё понял.

— Лен, давай без драмы. Сейчас шесть утра.

— Ты продал моего сына.

— Я никого не продавал, — он потянулся за халатом. — Матвей жив, здоров, ходит на своём ледоколе. Я просто... оптимизировал твою память.

— Оптимизировал?!

— Ну смотри. Он тебе звонит раз в неделю. Ты потом три дня ходишь и переживаешь: замёрзнет, утонет, не женится. Я избавил тебя от переживаний. Плюс ты помолодела. Это же сделка века, я на бирже таких не видел.

— Вадим, зачем?

Он помолчал. Потом снова улыбнулся, но улыбка вышла кривой.

— Знаешь анекдот про мужа, который двадцать лет жил в квартире жены?

— Говори прямо.

— Ладно, прямо, — он перестал улыбаться. — Ты соби-
ралась оформить дарственную квартиру на Матвея. В декаб-
ре. Ты нотариусу уже звонила. А я где буду жить, когда ты
погрёшь? У него на ледоколе?

— Ты хотел квартиру.

— Я хотел справедливости! Я в этой квартире шестна-
дцать лет. Я менял трубы, я клеил обои. А ты всё отдаёшь
пацану, который сюда приезжает раз в год!

— Ты хотел, чтобы я забыла сына и подарила квартиру
тебе.

— Я хотел, чтобы ты была молодая, красивая и не мучи-

лась! — он повысил голос. — А квартира пусть достанется тому, кто рядом!

Елена подняла с пола договор и аккуратно сложила листы.

— Доверенность я дала тебе, когда сломала ногу. Чтобы ты получал за меня посылки и платил за коммуналку.

— Там написано «совершать любые сделки». Ты сама подписывала.

— Я тебе доверяла.

— Так доверяй дальше! — он снова заулыбался и развёл руки для объятия. — Лен, ну смотри на вещи с юмором. Тебе сорок на вид. Ты королева. Матвей никуда не денется, придет, заново познакомитесь. Как в кино!

Она обошла его протянутые руки и вышла из спальни.

В девять утра Елена сидела в кабинете нотариуса Риммы Сергеевны Луговой. Нотариус была полной, медлительной женщиной с очками на цепочке, похожей на добрую сову.

— Хочу отменить доверенность. Немедленно.

— Имеете право в любой момент, это статья сто восемьдесят восемь Гражданского кодекса, — Римма Сергеевна надела очки. — Сейчас составим распоряжение об отмене и внесём сведения в реестр. С момента внесения отмена считается известной всем третьим лицам.

— А если он успеет что-то ещё подписать?

— После внесения в реестр не успеет. Любая сделка по отменённой доверенности ничтожна для вас. Дополнительно

отправим вашему мужу уведомление заказным письмом.

— А клинике?

— И клинике отправим, — нотариус застучала по клавиатуре. — Вы знаете, сколько в этом году ко мне пришло жён, которые дали мужьям генеральную доверенность «на всякий случай»?

— Сколько?

— Одиннадцать. Вы двенадцатая. У одной муж продал дачу, у другой машину. Память о сыне, правда, никто ещё не продавал.

Через сорок минут Елена держала в руках распоряжение. Римма Сергеевна сняла очки и посмотрела на неё поверх стола.

— И ещё совет. Идите к хорошему юристу. Сделку с клиникой надо оспаривать в суде.

Юрист Станислав Игоревич Белов был молодым, лысоватым, с цепким взглядом и обкусанной ручкой за ухом. Он прочёл договор и поднял брови так высоко, что они почти слились с лысиной.

— Это шедевр. Я в каждой строчке вижу основание для недействительности.

— Объясните.

— Первое. Статья сто семьдесят четыре, часть вторая. Представитель совершил сделку явно в ущерб интересам представляемого, а клиника об этом знала или должна была

знать. Они же не спросили вас лично ни разу?

— Ни разу. Сказали, что я выиграла приз.

— Вот! Обман налицо. Второе. Статья сто шестьдесят девять. Сделка, совершённая с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности. Платить памятью о собственном ребёнке — это, извините, за гранью.

— А третье?

— Третье. Ваш супруг был лично заинтересован. Цель — квартира. Это доказывается вашим разговором с нотариусом о дарственной и его признанием.

— Он признался только мне.

Станислав Игоревич улыбнулся.

— Елена Андреевна, у вас на телефоне есть диктофон?

Вечером Вадим встретил её в прихожей с бутылкой шампанского и коробкой конфет.

— Мировая! — объявил он. — Знаешь, чем отличается умная жена от мудрой? Умная находит договор. Мудрая делает вид, что не нашла.

— Я сегодня отменила доверенность.

Бутылка дрогнула в его руке.

— Шутишь?

— Нет. Сведения внесены в реестр. Тебе придёт уведомление.

— Лена, ты что творишь? — он поставил шампанское на тумбочку. — Шестая процедура в пятницу! Если курс пре-

рвётся, клиника требует неустойку!

— Пусть требует. Скажи ещё раз, зачем ты это сделал?

— Я же сказал! Квартира должна была остаться мне! Твой Матвей мешал, понимаешь? Он мне всю жизнь мешал! Ты к нему летала каждый год, ты ему переводила деньги, ты ему собиралась всё отдать!

— Значит, ты подписал договор, чтобы я забыла сына?

— Да! Да, подписал! И не жалею! Ты бы мне спасибо сказала, если бы курс закончился!

Елена достала из кармана телефон и нажала кнопку. На экране замер красный кружок записи.

Вадим посмотрел на телефон и вдруг засмеялся. Громко, надрывно, сгибаясь пополам.

— Записала. Записала она! Аукционист продал лот, а лот оказался с сюрпризом!

Он позвонил матери прямо из прихожей.

— Мам, она всё знает. Да, знает. Нет, не прощает. Ты же говорила, что она мягкая! Мягкая, говорила ты!

Елена забрала у него трубку.

— Нелли Аркадьевна, вы знали про договор?

— Леночка, — голос свекрови был сладкий и тягучий. — Вадик хотел как лучше. Вы бы разве отказались от молодости?

— От сына я бы отказалась?

— Ну а что сын? Взрослый мужчина, у него своя жизнь. А у Вадика жильё одно.

— Спасибо, Нелли Аркадьевна. Вы мне очень помогли. Теперь вы соучастница.

Суд проходил в Кировском районном суде Ярославля в конце ноября. Над Волгой висел первый снег, тонкий, сухой, он не таял на ступенях. Голые клёны у здания суда стояли чёрные, как нарисованные тушью.

Судья Людмила Викторовна Осокина, худая женщина с острым подбородком и тихим голосом, слушала представителя клиники уже двадцать минут. Юрист «Ретайма», холёный мужчина в сером костюме по фамилии Демидов, говорил гладко.

— Ваша честь, доверенность была действующей на момент заключения договора. Клиника действовала добросовестно. Услуги оказаны в полном объёме.

— Пять процедур из шести, — уточнила судья. — А истица лично с вами договор обсуждала?

— Истица была проинформирована через представителя.

— То есть нет.

Станислав Игоревич поднялся и включил запись. Голос Вадима заполнил зал: «Да, подписал! И не жалею!» Демидов поморщился.

— Ваша честь, — Вадим вскочил, не дождавшись разрешения. — Позвольте анекдот, чтобы разрядить обстановку. Приходит мужик к судье...

— Ответчик, сядьте, — тихо сказала Осокина.

— Я просто хочу объяснить...

— Сядьте, или я удалю вас из зала.

Вадим сел. Его зажим с осетром поблёскивал под лампами, а сам он вдруг стал выглядеть маленьким и серым.

— Истица, — судья повернулась к Елене. — Вы помните своего сына?

— Нет, Ваша честь. Я знаю о нём от сестры. Знаю, что его зовут Матвей. Знаю, что он механик на ледоколе. Но не помню ни одного дня с ним.

— Ваш сын присутствует в зале?

С задней скамьи поднялся высокий парень в тёмном свитере. Широкие ладони, серые глаза, обветренное северным ветром лицо. Он смотрел на Елену, и она отвела взгляд, потому что видела незнакомца.

Решение огласили через час. Судья читала ровно, без интонаций.

— Договор между Корнеевой Еленой Андреевной и обществом «Ретайм» признать недействительным на основании статей сто шестьдесят девять и сто семьдесят четыре Гражданского кодекса. Обязать ответчика прекратить исполнение договора. Исковые требования Корнеева Вадима Сергеевича о признании права на долю в квартире отклонить, поскольку квартира является добрачным имуществом истицы.

Вадим поднялся. Он хотел что-то сказать, но вместо этого засмеялся и тут же осёкся.

— Лен, ну ты даёшь. Шестнадцать лет. Шестнадцать лет, а я остался с чемоданом.

— Ты остался с тем, что принёс.

— Я принёс себя!

— Вот себя и забирай.

Матвей подошёл к ней в коридоре. Он стоял близко, но не обнимал.

— Мам... Елена Андреевна. Можно я буду приезжать? Буду рассказывать. Про всё. Как вы меня на санках с горы у Стрелки катали. Как я сломал руку в третьем классе.

— Приезжай, — она кивнула. — Я буду записывать. А потом выучу наизусть.

— Это я могу, — он вдруг улыбнулся, и улыбка у него была её собственная. — Я терпеливый. Механики все терпеливые.

Через неделю Вадим уехал к матери в Рыбинск с двумя чемоданами. Развод оформили в ЗАГСе за месяц. Елена поменяла замки, повесила на стену в прихожей фотографию мальчика в синей куртке и каждое утро повторяла: «Матвей. Двадцать четыре года. Ледокол "Ямал". Любит гороховый суп».

В декабре Ярославль засыпало снегом по колено. Волга встала, по льду у набережной ходили рыбаки с ящиками. Елена вернулась домой поздно, поговорила с Матвеем по видеосвязи, записала в тетрадь, что в детстве он боялся пыле-

соса, и легла спать.

Ночью телефон тихо пискнул. Она не проснулась.

Утром Елена подошла к зеркалу в ванной и застыла. Из зеркала на неё смотрела девушка лет двадцати. Гладкая кожа, яркие губы, густые медные волосы до плеч, ни одной седой нити у корней. Серые глаза, круглые от испуга.

Она тронула щёку. Девушка в зеркале тронула щёку.

Елена схватила телефон. На экране висело сообщение от «Ретайма»:

«Во исполнение решения суда договор прекращён. Согласно пункту 9.4, при досрочном прекращении курса Исполнитель проводит завершающую процедуру удалённо и удерживает недостающую оплату из иных категорий памяти. Категория удержания: личность. Благодарим, что выбрали нас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.